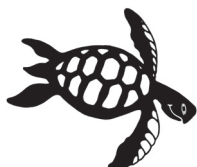

Посвящается моей матери, Барбре
*Спасибо за то, что подстегивала мои
креативность и воображение*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Ю*ным русалкам и русалам, когда они вырастают, открывается множество разных занятий и видов работы. Они могут стать учителями, офицерами полиции или дантистами. Кое-кто, повзрослев, начинает проектировать дома и офисные здания, другие их строят. Есть русалки-доктора, художники и ученые. Русалки выбирают тот род деятельности, который лучше всего соответствует их интересам и способностям. Но кое-какая обязанность лежит на всех.

Магия.

Русалки всегда были стражами океана, защитниками морей, и они используют румагию, чтобы водная среда оставалась безопасной и здоровой. Весь морской народ относится к этой обязанности очень серьезно.

Бринн Финли рассказывали о ее румагии и охране моря с тех времен, когда она была совсем крохой. Едва ей исполнилось пять, как Бринн спросила родителей:

— Когда я вырасту, я тоже буду стражем моря? Как вы?

— Верно, — ответила ее мама, Дана. — Ты будешь стражем моря.

— Как же я смогу охранять целое море? — Бринн огляделась, казалось, на бесконечный аквамариновый океан.

Папа Бринн усмехнулся. Его звали Адриан.

— Ты будешь не единственным стражем, — объяснил он, — и тебе не придется охранять весь океан в одиночку. Сперва ты будешь помогать маме и мне. И у меня такое чувство, что впоследствии дело кончится тем, что мы станем помогать тебе.

Папа Бринн не был важным или влиятельным русалом. Он не мог похвастать ни бугрящимися мышцами, ни гривой золотистых волос, как у многих других. Адриан не был ни могучим воином, ни неустрашимым исследователем глубин: он всего лишь работал в ресторане и считался отменным поваром.

А еще он был худым и безбородым. Синие волосы Адриана были коротко подстрижены, и он носил очки. Но, так или иначе, глаза его светились добром, и Бринн знала, что он — один из умнейших русалов вокруг.

— Мы все помогаем охранять море, — рассказывал Адриан девочке. — Все вносят свой вклад.

«Но океан так огромен», — подумала Бринн, хмуря брови над темно-голубыми глазами и моргая.

Адриан взъерошил лавандовые волосы дочери:

— Не раздумывай об этом особенно много. Когда начнешь учиться румагии, все поймешь.

Теперь Бринн исполнилось двенадцать — почти пришла пора идти в среднюю школу. Девочка была не слишком высокой, зато ее лавандовые волосы отросли, а хвостовой плавник ослепительно сверкал оттенком морской волны. И теперь Бринн начинала понимать, сколь важна и благородна эта работа — заботиться об океанской жизни. Она видела, как мама и папа трудятся над подводными проблемами, и это пробуждало в ней чувство гордости за то, что она — русалка.

Так что, когда небольшая стайка дельфинов приплыла в подводную пещеру, которую семейство Финли называло домом, Бринн насторожилась. Ее отец пригласил дельфинов внутрь. Они торопливо щелкали и посвистывали. Бринн оставалась в коридоре, но подплыла поближе, прислушиваясь. Дельфины продолжали свистеть и пищать.

Бринн не понимала ни словечка.

На самом деле понимать дельфиний или говорить на нем совсем не просто. По сути, Бринн даже не знала, как сказать «привет» или «где тут ванная?» подельфиньи. Да и никто не знал. Но папа Бринн сложил тонкие руки на груди и кивал в ответ на болтовню дельфинов. Как и большинство русалов, он мог общаться с ними при помощи румагии.

Не многие из морских животных достаточно хорошо способны выразить, что у них на уме, чтобы с ними можно было разговаривать. Пускай наutilus с их драматичными полосками, спиральной раковины и острыми глазами очень симпатичны — сказать им особо нечего. То же касается медуз и морских огурцов — если по правде, скучноватые ребята. А уж от морской губки и вовсе ничего не добиться.

С другой стороны, осьминоги очень хорошо говорят и широко известны своим чувством юмора. Но многим другим рыбам и морским существам просто нечего сказать, кроме как передать несколько простых настроений и ощущений. Фактически у большинства рыб, похоже, есть всего два режима: «голодна» и «хочу спать», — и они твердят либо одно, либо другое слово, в зависимости от самочувствия. А чуть более сложные морские существа могут еще сообщать о своем страхе или опасности.

Как известно большинству людей, дельфины очень умны. Считается, что кое в чем они не уступают морскому народу, так что много лет тому назад русалки и дельфины научились сотрудничать. Дельфины были глазами и ушами океана. Они предупреждали морской народ о проблемах и чрезвычайных происшествиях, а русалки прибегали к своим магическим силам, чтобы помочь.

Вот почему Бринн, даже не понимая, что говорят дельфины, знала, что где-то неподалеку в море стряслась беда.

Когда девочка выплыла в коридор, ее заметил отец. Повернув голову, он быстро и дружелюбно подмигнул ей. А потом снова переключил внимание на дельфинов, с помощью румагии отвечая им и задавая вопросы. Дельфины тыкали куда-то плавниками и носами, словно показывали направление. Адриан покивал.

Бринн была уверена: что бы там ни случилось, отец отправится на помощь. Она знала это, потому что родители всегда помогали, когда приходили дельфины. Обычно происходило примерно одно и то же: дельфины появляются, папа или мама с помощью румагии говорят с ними, а потом сообщают, что им надо отлучиться.

— У нас там детеныш горбатого кита потерялся, — могла сказать мама Бринн. — Организуют поисковую операцию. Надеюсь, вернусь к ужину!

Спустя несколько вечеров встретить дельфинов мог уже папа Бринн.

— Осьминожиха на рифе вляпалась в какую-то ядовитую слизь — сплаваю посмотрю, что можно сделать.

Когда приходил зов, в воде всегда ощущалось какое-то волнение — пусть даже проблема оказывалась несерьезной. А иногда поделаться ничем было нельзя — как когда гигантский океанский лайнер столкнулся с той славной старой рыбой-солнечником. Но, в чем бы ни заключалась проблема, родители Бринн всегда были полны решимости и готовы сделать все, что в их силах. И, хотя Бринн пока не позволяли

плавать с ними, она считала их настоящими героями, верными долгу морского народа.

Но этим вечером все случилось иначе.

Когда дельфины уплыли, Адриан с задумчивым выражением лица повернулся к дочери.

— Что такое, пап? — спросила Бринн, выплывая в прихожую. — Дело серьезное?

— Молодая морская черепаха попала в беду, — ответил Адриан.

— Ты отправишься на помощь?

— Да. Это недалеко. Сплаваю посмотрю, чем помочь.

Бринн кивнула, гадая, что же случилось. Черепаха поранилась? Застряла где-нибудь? Заболела? И как это ее папа всегда знает, что делать?

Адриан повернулся и достал с полки в стене пещеры нож в ножнах на цепочке. Он всегда брал его с собой на задания. У мамы Бринн тоже такой был. Адриан повесил цепочку на шею и двинулся к входной двери, но затем, помедлив, снова повернулся к дочери.

— Слушай-ка, Бринн, — произнес он почти будничным тоном, — а как насчет сплавать со мной?

Бринн вытаращила глаза:

— Кто, я? С тобой? — Она ткнула пальцем в дверь. — Поплыть спасти черепаху?

— Ну да, — отозвался ее отец. — Ты будешь проходить все это в средней школе в нынешнем году. Со всем скоро начнешь учиться тому, как разговаривать с дельфинами и заниматься румагией. Думаю, пришло время взять тебя на задание.

Бринн не знала, что и ответить. Конечно, она понимала, что в конце концов начнет помогать. Родители, учителя, соседи, родственники — все только и твердили ей, что в один прекрасный день она станет стражем моря.

И, похоже, сегодня был тот самый день.

Поначалу Бринн едва не парализовало от волнения.

— Хорошо! — наконец воскликнула она. — Да, конечно! Ух ты! — Девочка заметалась по прихожей: — Что мне взять? Рюкзак? Блокнот? Зубную щетку? Какую-нибудь еду?

Отец рассмеялся и опустил руку ей на плечо:

— Не надо. Просто скажи маме, что отправляешься со мной. И поспеши. Не стоит заставлять черепаху ждать. Нужно действовать быстро.

Через несколько минут мама Бринн стояла у входной двери и махала им, а Бринн с отцом уже направлялись на помощь морской черепахе.

— Держись за мою шею, Бринн, — распорядился Адриан.

Бринн подумала, что она, наверное, уже слишком взрослая, чтобы кататься у отца на спине. Но одноклассников поблизости не было, да и школа начнется только на следующей неделе, так что она решила — ничего страшного. Правда была в том, что она обожала плавать, держа отца за шею. Для такого художника русала он был по-настоящему сильным пловцом. Румагия позволяла Адриану стремительно рассекать океан. Плыть с ним было все равно что кататься на

барракуде, которая гонится за тунцом. Вода пронеслась мимо, и длинные лавандовые волосы Бринн развевались у нее за спиной.

Иногда в компании одноклассников Бринн мечтала о том, чтобы ее папа был больше похож на других русалов — тех, что с мускулами, и плотной чешуей, и мохнатыми бородами. Но, держась за его шею, когда он плавно и быстро несся навстречу ее первому заданию, Бринн понимала, что на самом деле ее отец очень силен. Хороший русал, с мощной румагией, он заботился об окружающих. И мама Бринн тоже была умной и доброй.

А теперь и сама Бринн пойдет в среднюю школу, научится румагии и начнет служить стражем моря.

Адриан проплыл сквозь косяк сардин, и сверкающие рыбки серебристым фейерверком прыснули прочь. Бринн засмеялась: несколько рыбешек заплыли ей в волосы. Но все же она нервничала.

Наконец ее отец снизил скорость, Бринн отпустила его шею и поплыла рядом. Дельфины направили их к отмелям вдоль острова, где солнечный свет отражался от поверхности моря и пронизывал воду теплыми золотыми лучами. Они подплыли к рифу, где на целые километры протянулись кораллы всех оттенков розового, оранжевого и синего. Рифы со множеством рыб, крабов, креветок, акул и прочих морских существ всегда были полны жизни.

— Видишь где-нибудь черепаху? — спросил Адриан.

— Нет, — отозвалась Бринн.

Справа от них несколько рыб-попугаев безумной окраски ковыряли коралл острыми клювами. Величавые морские окуни медленным косяком проплыли мимо, хлопая гигантскими жабрами. Тут и там шныряли нервные сардинки и тропические рыбки.

А потом Бринн заметила черепашонка в купе кораллов. Он отчаянно силился высвободиться из каких-то невидимых пут.

— Пап! — воскликнула девочка. — Вон там! Это он?

Адриан посмотрел в ту сторону:

— Должно быть! Острый глаз, детка!

— Что с ним случилось? — спросила Бринн, когда они подплыли ближе.

— Запутался в рыбацкой сети, — ответил Адриан. — Я так и думал, что дело в этом.

Черепашонка удерживали на рифе куски старой сети из бледно-зеленых волокон. Лапы и даже голова черепахи были изранены и обмотаны практически непроницаемым коконом.

— Такое часто случается. — Адриан приблизился к черепашонку: — Он пытался высвободиться, но от этого обычно только хуже.

Морские черепахи покрыты плотным кожистым панцирем, но Бринн видела, что сеть слишком затянулась и врезалась в плоть. Черепашонок бился и вертелся, но не мог выпутаться, и теперь ему, должно быть, требовалось всплыть на поверхность, чтобы подышать. С точки зрения Бринн, у морских черепах с их большими грустными глазами и в лучших-то об-

стоятельствах выражение морд довольно хмурое, а этот черепашонок казался одновременно и печальным, и перепуганным, и жалким.

Адриан достал нож, сделанный из осколка гигантской раковины и жутко острый.

— Бринн? Попробуй успокоить этого паренька, пока я буду срезать веревки.

У Бринн бешено заколотилось сердце. Морские черепахи не слывут опасными существами, но все равно — перед ней было дикое морское животное, и девочка не знала, чего ожидать. Она протянула к нему руку. Черепашонок в панике забился. Бринн с отцом отпрянули, затем медленно вернулись. Бринн снова вытянула руку и положила на панцирь черепахи. Та вытаращила глаза от страха и с подозрением уставилась на девочку.

— Все хорошо, — прошептала Бринн. — Мы пришли помочь.

— Ну и путаница, — заметил Адриан, обрезая волокна сети.

Он старался не порезать черепаху, но несчастное существо продолжало бить плавниками, пытаясь вырваться на свободу.

— Малыш, попробуй полежать спокойно, — проворковала Бринн и погладила черепашонка по шее и панцирю: — Ш-ш-ш. Все будет хорошо.

Черепаха не понимала слов девочки, но по интонации, кажется, уловила смысл. На несколько секунд она замерла, а Бринн легонько похлопывала ее по панцирю.

